НИЛ НЕВЕРОВ

ЧЕЛОВЕК ЗА СТЕНОЙ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ТРИЛОГИЯ «СТЁРТЫЕ АДРЕСА»

Нил Неверов

Человек за стеной

«Автор»
2026

Неверов Н.

Человек за стеной / Н. Неверов — «Автор», 2026

После смерти матери реставратор Лев Арсеньев получает квартиру, размеры которой не сходятся со старым планом. За стеной обнаруживается скрытая комната, а семейные фотографии и документы указывают на чужие имена и неизвестное прошлое. Вместе с инженером Асей Ветровой Лев пытается понять, кого скрывала его мать и почему найденные свидетельства противоречат друг другу. Третья книга трилогии «Стёртые адреса».

© Неверов Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ 6
ПРОЛОГ. Фотография с неправильным годом 7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВТОРАЯ КВАРТИРА 8
Глава 1. Наследство 8
Глава 2. Жильцы, которых нет 10
Глава 3. Фотографии без семей 13
Глава 4. Архивист 15
Глава 5. Ночь без света 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Нил Неверов
Человек за стеной

НИЛ НЕВЕРОВ
ЧЕЛОВЕК ЗА СТЕНОЙ
Книга третья трилогии «Стёртые адреса»
Мистический детектив · Психологический триллер
Тем, кто имел право не быть найденным.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. Фотография с неправильным годом 4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВТОРАЯ КВАРТИРА 6
Глава 1. Наследство 6
Глава 2. Жильцы, которых нет 10
Глава 3. Фотографии без семей 15
Глава 4. Архивист 21
Глава 5. Ночь без света 26
Глава 6. Закрытая комната 29
Глава 7. Человек с документами 33
Глава 8. Вторая жена 36
Глава 9. Пятно под лаком 37
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ ИМЕНА 39
Глава 10. Женщина из списка 39
Глава 11. Три подписи 46
Глава 12. Пустое окно 50
Глава 13. Встреча с прошлым 53
Глава 14. Двенадцать 54
Глава 15. Почерк мёртвой 58
Глава 16. Снятая рама 61
Глава 17. Угроза выселения 66
Глава 18. Негатив № 12 67
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЧТО НЕЛЬЗЯ ВЕРНУТЬ 70
Глава 19. Последний покупатель 70
Глава 20. Человек с рамкой 73
Глава 21. Собственная ошибка 76
Глава 22. Витрина 79
Глава 23. Договор с отсутствующим 82
Глава 24. Перед стеной 86
Глава 25. Двенадцать судеб 90
Глава 26. Комната без хозяина 93
Глава 27. Последняя стена 97
ЭПИЛОГ. ЧТО ОСТАЛОСЬ 100

Иногда человек наследует не квартиру. Ему достаётся чужая версия собственной жизни.

ПРОЛОГ. Фотография с неправильным годом

Декабрь 1993 года. Нижний Новгород.

Наталья Арсеньева держала лампу обеими руками. Провода были слишком короткими, свет падал на низкий стол и не доставал до дальнего угла. За стеной лежал семилетний Лев. Она слышала, как он перевернулся в постели, но не проснулся.

Перед Натальей стоял деревянный ящик с фотографиями. На верхнем снимке мужчина держал за руку мальчика у сельской церкви. Женщина узнавала их обоих, хотя фотография была подписана «1967» — на год раньше, чем эвакуация Рудной Луки превратила её собственное детство в чужую биографию.

Она не верила в чудеса. Особенно в чудеса на фотобумаге. Любой снимок можно переснять, любой негатив — заменить. Но за эти годы Наталья успела убедиться, что подделка не всегда менее опасна, чем правда.

— Ты должна сжечь этот альбом, — сказал человек у двери.

— Тогда у них не останется даже доказательства, что они были живы.

Он снял мокрую шапку. На лице его не было злобы, только усталость.

— Никто не просил тебя хранить чужие имена.

Наталья положила снимок в ящик.

— Меня тоже когда-то переименовали без спроса.

Мужчина потянулся к коробке. Она захлопнула крышку и отступила к стене, за которой спал сын.

— Не трогай его, — сказала Наталья.

— Я даже не знаю, как его зовут.

— Тем лучше.

Когда человек ушёл, Наталья повернула маленькую ручку скрытого механизма. Дверь за книжным шкафом закрылась плотно, без щели. На внутренней стороне стены детской спальни Лев когда-то нарисовал дерево. Оно осталось на видимой стороне; за ним теперь лежали фотографии, письма, настоящие и ненастоящие удостоверения — целая комната, которую нельзя было найти по плану.

Ночью мальчик проснулся и пришёл к ней на кухню.

— Мам, а почему за стеной кто-то ставит стулья?

Наталья поставила чайник. Подождала, пока он начнёт шуметь.

— Дом старый. Звуки ходят по трубам.

Лев кивнул, но не ушёл.

— А почему там кто-то говорит моим голосом?

Она не сразу нашлась что ответить. Потом обняла сына, слишком крепко, и сказала, что утро будет лучше ночи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВТОРАЯ КВАРТИРА

Глава 1. Наследство

Май 2029 года.

Наталья Арсеньева оставила сыну не письмо, а чек на сорок восемь рублей, аккуратно вложенный в паспорт старого радиоприёмника. На обороте было написано: «За гвозди. Лёве не отдавать». Лев прочитал запись дважды, потом рассмеялся. Мать всю жизнь хранила вещи, назначение которых никому не могла объяснить. Даже после смерти она оставляла ему маленькие задачи: найти чек, сопоставить цену, попытаться угадать, зачем в квартире понадобились гвозди.

Он не приезжал сюда почти двадцать лет. Впервые за это время ему не на кого было злиться вслух. Мать лежала в земле, и все их давние споры о переезде, женитьбе и работе потеряли практическую силу, но не исчезли. На кухонном столе стояла старая чашка, в которой она обычно оставляла чай на ночь. Лев хотел убрать её и не смог. Он занимался реставрацией интерьеров, умел отличать подлинный слой от позднего, а теперь столкнулся с предметом, на котором не было ничего, кроме привычки.

Звонила Ольга, его бывшая жена. Они расстались без громкого скандала, но с таким количеством обидных молчаний, что теперь любое короткое сообщение требовало усилия. Ольга предложила прислать знакомого юриста для наследственных вопросов. Лев отказался. Сказал, что справится сам. Она не стала спорить.

— Ты опять будешь всё сам, — произнесла она.

Он уже открыл рот, чтобы ответить, и понял, что именно эта фраза однажды разрушила их брак. Ольга не просила его быть слабее. Она просила хотя бы иногда спрашивать, нужно ли кому-то его спасение.

После звонка Лев вошёл в спальню матери. Там пахло пылью и яблочным мылом. За шкафом обнаружились два слоя обоев, один наклеенный поверх другого без выравнивания. Лев провёл ладонью по шву: в старых домах так делали, когда хотели быстро скрыть повреждение. Но под пальцами не было обычной кирпичной стены — поверхность неожиданно слегка пружинила. Он постучал костяшкой. Звук оказался пустым.

Лев достал рулетку и сравнил внутреннюю длину комнаты с размером по старому плану. Разница была слишком большой, чтобы объяснить её штукатуркой. Он записал её в блокнот, а рядом нарисовал маленький прямоугольник. Потом заметил, что на полке возле окна стоят два одинаковых стакана, хотя мать жила одна. Второй был тщательно вымыт и накрыт салфеткой.

Вечером соседка, приносившая ему ключи от подвала, спросила:

— Стену ещё не трогали?

Лев замер.

— Почему спрашиваете?

Женщина посмотрела на дверь квартиры.

— Наталья говорила, вам надо сначала пожить здесь хотя бы ночь. А потом решать, что вскрывать.

Он хотел спросить зачем, но соседка уже спускалась. Её шаги в старом подъезде были слышны долго. Лев вернулся в комнату и впервые за день прислушался не к дому, а к тому, что мать пыталась оставить несказанным.

В кухонном ящике Лев обнаружил три похожих ключа. Все были аккуратно привязаны к картонным биркам, но только на одной мать написала слово «дом». Остальные назывались

проще: «шкаф» и «не трогать». Он повернул последнюю бирку и обнаружил на обороте год — 1993-й.

Мать никогда не любила рассказывать о своих переездах. Когда Лев спрашивал, почему они жили в нескольких квартирах, она отвечала, что дом — это не адрес, а люди, которых впускаешь. В детстве эта фраза казалась мудрой; теперь раздражала. После похорон нотариус перечислил документы, и среди них не оказалось ни одного плана старой перепланировки.

Лев открыл окно, чтобы избавиться от запаха долгого затворничества. Во дворе женщина вытряхивала коврик, сосед из первого подъезда кричал кому-то о неправильно припаркованной машине. Всё это было знакомо и чуждо одновременно. Он помнил, как здесь играл в мяч, как отец ругался из-за пробитого окна, как мать однажды спрятала под кроватью тяжёлую картонную коробку.

На кухонной стене возле холодильника сохранились карандашные отметки роста. Семь лет, восемь, девять. Последняя — на уровне плеча. Лев провёл пальцем по надписи «Лёва, 1995». Он не смог решить, с чего начать ремонт. Проще было измерить стены: цифры хотя бы не требовали от него прощения.

Сняв плинтус возле спальни, он увидел старый слой краски и замурованное отверстие, слишком правильное для случайной трещины. Материнская записка «не трогать» неожиданно стала похожа не на просьбу, а на строительное указание. Лев положил ключ на подоконник. В письме, переданном через управляющую компанию, инженер Ася Ветрова просила связаться с ней: при обследовании дома на Северной она нашла сведения о Наталье и Заводской. Лев набрал оставленный номер. Договорился о встрече, не объясняя настоящей причины. Впервые за много лет ему понадобилась помощь в квартире, где он всегда считал себя единственным наследником.

При обмере ширина комнаты не сошлась с фасадом на метр двадцать. Внешнюю стену не могли сделать такой толстой. Лев снял часть плинтуса, обнаружил узкий технологический зазор и проследил его вдоль стены. Внизу виднелась металлическая направляющая, закрашенная в цвет обоев.

Он провёл пальцами по ржавому ребру. Что-то щёлкнуло по другую сторону. Не страшно, не мистически — коротко, как упавшая деревянная рамка.

Лев встал. Прислушался.

За стеной кто-то медленно передвинул стул.

Глава 2. Жильцы, которых нет

Ася Ветрова приехала на следующий день с рулеткой и фонарём. В её практике слишком часто пытались продать людям квадратные метры, которых не существовало.

С ней была дочь: Лиза отказалась идти к отцу и сидела в машине с книгой, наблюдая за окнами дома. Лев предложил ей подняться, но Ася попросила не вовлекать девочку в обследование квартиры. На площадке она достала блокнот и первым делом поинтересовалась, что именно Лев уже успел разрушить.

— Ничего, — ответил он.

— Совсем ничего? Даже обои не отодрали?

— Поднял два угла.

— Уже достижение. Обычно люди сначала ломают, потом ищут специалиста.

Она прошла вдоль стены и сняла размеры простым лазерным дальномером между доступными поверхностями. Толщину скрытой перегородки пришлось определять другими способами — по торцу соседнего проёма и данным плана. Лев следил за её руками. Она работала быстро, но не торопилась делать выводы. На кухне обнаружилась старая вентиляционная решётка, стоявшая в непривычном месте. За ней тянуло слабым холодным воздухом.

— Здесь не просто пустота, — сказала Ася. — Есть объём с воздухообменом.

— Комната?

— Может быть. Пока объём.

Лев улыбнулся.

— Инженеры умеют лишать человека романтики.

— Мы её возвращаем, когда крыша не падает на голову.

Лев пытался подсказывать, где, по его мнению, скрывается пустота, пока Ася не попросила его отойти.

— Вы любите восстанавливать интерьеры, — сказала она. — Вот и восстановите сначала геометрию. Без мистики.

— Я не говорил про мистику.

— Тогда почему на лице написано «тайная комната»?

Они обошли квартиру. В коридоре длина стены была больше, чем сумма размеров жилых помещений. На плане БТИ за спальней значилась старая кладовая, ликвидированная при реконструкции. Но отметка не содержала ни размера проёма, ни даты, когда его закрыли. Ася положила план рядом с фактическими замерами и начертила границу карандашом.

— Не ломайте всю стену, — предупредила она. — Сначала установим, какие конструкции несущие и что можно вскрыть без риска. И предупредим управляющую организацию.

Лев хотел возразить: квартира его, стена его. Но вспомнил мать, которая всегда боялась чужих шагов в коридоре. Он вдруг понял, что стена может оказаться общей с людьми, которых он никогда не видел.

Ася показала ему фотографии дома № 14 на Северной, где недавно обследовала скрытую надстройку. Лев сразу заметил знакомый тип старой металлической защёлки. На стене его матери стояла похожая, замазанная шпаклёвкой. Ася не объявила связь доказанной, лишь предложила искать чертежи одной эпохи.

— Хотите узнать, кто у вас живёт за стеной? — спросила она.

— Хочу узнать, кто строил. С жильцами потом.

— Правильный порядок. В последнее время редкость.

На лестнице они встретили соседку. Та узнала Льва, назвала его по детскому прозвищу и спросила, будет ли он продавать квартиру. Он ответил, что ещё не решил. Женщина наклонилась ближе:

— А комнату её будете открывать?

Ася остановилась.

— Какую комнату?

Соседка осеклась. Сказала, что имела в виду кладовую, и поспешила вниз. Лев проводил её взглядом. Когда Ася спросила, что мать рассказывала о соседке, он не сумел вспомнить даже имени.

Когда они спускались, Лиза выглянула из машины и спросила, есть ли в доме привидение. Лев хотел пошутить, но заметил, что Ася напряглась. Лиза быстро добавила:

— Я не верю в привидения. Просто папа говорит, что мама ищет то, чего нет.

Ася открыла дверцу.

— Я ищу то, что иногда незаконно скрывают.

— Разница небольшая, — сказала девочка и снова уткнулась в книгу.

Лев остался на тротуаре, глядя на дом. Три окна соседних квартир отражали закат, а четвёртое, по плану не существовавшее, появлялось только в перспективе двора. Он вдруг понял, что мать много лет смотрела на этот двор из окна, которое числилось в чужом помещении. Это было не чудо, а странная архитектурная возможность. Но от этого становилось не легче.

* * *

Вечером соседка по лестничной клетке назвалась Галиной Романовной и принесла Льву коробку с книгами. Он хотел сказать, что завтра отвезёт всё в пункт приёма макулатуры, но увидел на верхней книге имя матери — тонко выведенное по краю страниц. За книгой лежал маленький конверт. В нём оказалась фотография того же коридора, только с двумя дверями вместо одной.

— Откуда у вас это? — спросил Лев.

— Наталья оставляла. Говорила, если будете продавать квартиру, сперва посмотрите под линолеумом. Я думала, шутит. Она иногда так шутила, что потом неделю не смешно.

Галина прошла в прихожую, не снимая пальто. На её ладони оставались следы муки — видно, готовила что-то к ужину и бросила ради звонка. Лев опустил глаза на снимок. В старой квартире многое менялось, но дверная коробка на фотографии находилась там, где сейчас стоял шкаф.

— Когда снимали?

— Я ещё работала на почте. Наверное, девяносто третий. Вы маленький тогда были. Кажется, уже в школу ходили.

— Вы видели, кто заходил за ту дверь?

Она сдвинула брови.

— Одни люди говорили, что там кладовая. Другие — что живёт женщина. Она выходила, когда весь подъезд спал. Я однажды столкнулась с ней на площадке. Была босиком, в руках держала детское пальто.

Лев поднял голову.

— Вы узнали её?

— Я видела лицо, а фамилии не спрашивала. В наше время иногда это и было вежливостью.

Галина собралась уходить. На пороге она обернулась:

— Ваша мать хранила там не мебель. Она хранила людей. Это разные вещи, Левушка.

Когда дверь закрылась, Лев присел у шкафа. Приподнял край старого линолеума. Под ним обнаружилась не вторая дверь, а след от стальной направляющей, спрятанный под несколькими слоями краски. Он представил, как мать годами обходила эту конструкцию, ставила к ней мебель, переставляла вещи и, возможно, просила гостей не прислоняться к стене. Он не почувствовал трепета перед тайной. Впервые почувствовал неловкость: если за стеной когда-

то жил человек, значит, у его собственного детства были свидетели, которых он никогда не считал людьми из своей жизни.

* * *

На следующий день Ася вернулась со специалистом по конструкциям. Обследование показало: за спальней расположен узкий бывший чулан, перекрытый со стороны коридора и соединённый с технической шахтой. По старым планам там значилось место для коммуникаций, но позднее его переоборудовали. Несущие конструкции при открывании трогать не требовалось. Через стену шёл механизм, позволявший закрыть проход изнутри; доступ был возможен через сдвижную панель книжного шкафа.

Когда панель отодвинули, в щель ворвался затхлый воздух. Ася осветила пространство фонарём. Там стояли кровать, комод и стул — почти точные копии мебели в спальне Льва. На стенах висели фотографии. На первой он увидел себя рядом с незнакомой женщиной в свадебном платье.

— Не моя свадьба, — сказал он.

Ася приблизила луч. На другой фотографии тот же мужчина держал ребёнка у окна, которого в квартире быть не могло.

— Похоже на вас, — заметила она.

— Очень.

— Вы уверены, что никогда здесь не фотографировались?

Лев посмотрел на женщину в свадебном платье. Лицо было незнакомым. Но на руке мужчины виднелось кольцо, которое Лев действительно носил после развода.

Глава 3. Фотографии без семей

Антон Селезнёв не любил, когда его называли фотографом. Он занимался реставрацией изображений и считал, что разница между восстановлением и изготовлением нового снимка принципиальна. Лев принёс ему три фотографии, найденные за фальшстеной. На первой сам Лев стоял возле женщины, которую не помнил. На второй держал на руках ребёнка. На третьей сидел за праздничным столом с людьми, чьи лица казались знакомыми только из старых семейных альбомов.

Антон включил боковой свет и попросил ничего не говорить о личностях изображённых. Ему нужна была материальная картина, а не история, которую Лев уже успел придумать. Под увеличением различались линии перефотографирования, поздний лак, неодинаковая зернистость. На одном снимке два человека имели тени, падающие в разные стороны. Это было хорошим признаком составного изображения, но не позволяло определить дату монтажа.

— Видишь переход? Здесь одна плотность зерна, а здесь другая. На копии его не заметишь. На оригинале — сразу.

Лев наклонился. Ему хотелось, чтобы снимок оказался грубой шуткой. Но работа была аккуратной. Кто-то многократно переснимал исходные кадры, подбирал свет и обрабатывал края фигур до тех пор, пока новые лица не стали частью прежней семейной сцены.

— Кто мог это сделать в нашей квартире?

— Твоя мать, ты, сосед. Не знаю. Но у человека были время и оборудование.

— А если они все поддельные? — спросил Лев.

— Тогда кто-то потратил массу усилий, чтобы ты поверил в другую жизнь. Мне интереснее, зачем.

Антон достал коробку с чистыми конвертами и разложил фотографии по отдельности. На одном отпечатке остался маленький номер фотоателье, работавшего в городе ещё в девяностые. На другом — фрагмент штампа, который могли поставить гораздо позже. Лев впервые почувствовал, что между предметами нет обязательного единства. Их могли собирать десятилетиями. Мать не обязательно знала, что находилось в каждом конверте.

Когда он уже уходил, Антон спросил:

— Ты помнишь, какого цвета была рубашка у тебя на том семейном снимке?

— Синяя.

— А на оригинале, который мы только что рассматривали, рубашка белая. Вот что делает память, когда слишком долго смотришь на старую фотографию.

Лев посмотрел на конверт. Ему хотелось спорить, доказывать, что он точно помнит. Но синий цвет действительно принадлежал другой фотографии, снятой годом позже. Антон был прав в простой вещи: воспоминание часто заполняет недостаток изображения привычной деталью. От этого чужие снимки становились опаснее. Они умели убеждать, не объясняя ничего.

На следующий день Антон приехал в квартиру, чтобы осмотреть остальные снимки. В скрытой комнате он открыл комод. В глубине обнаружил коробку с фотобумагой. Извлёк из неё один лист, не касаясь эмульсии пальцами. На обороте стояло название фабрики и номер партии. Номер мог помочь определить не дату съёмки, а временной интервал изготовления материала. Лев записал его.

Потом увидел ребёнка на одной из фотографий. Мальчик стоял рядом с чужой женщиной у окна. Лицо ребёнка не было подменено. У него были те же уши, что у Льва, тот же изгиб бровей и старая ссадина на подбородке. Лев хотел спросить, откуда такое сходство, но Антон опередил:

— Если уверен, что это ты, ищи оригинал. Сходство не заменит происхождения снимка.

На кухне Лев поставил чайник, который не включал с похорон. Сидел, слушая щелчки старого выключателя, пока Антон составлял опись. Когда тот ушёл, Лев не убрал фотографии обратно на стену. Перевернул их лицом вниз. На одной из рамок заметил новую царапину возле нижнего края, будто кто-то недавно пытался открыть задник. Он сфотографировал её и написал Илье Чернышёву — специалисту, которого рекомендовали для проверки истории дома.

В ящике комода обнаружились анкеты с разными именами. Фотографии людей были приклеены одинаково; записи о рождении — на разных бланках, часть явно не соответствовала времени изготовления. Между ними лежала тетрадь с фамилией «Арсеньева Н. И.». Она содержала не признание, а рабочие пометки о фотобумаге, проявке и датах. На дне ящика лежал ещё один снимок: мужчина держал мальчика за руку у сельской церкви. Ребёнок был похож на Льва в детстве. На обороте стоял 1967 год.

На последней странице мать записала: «Настоящую историю легче защитить, если враг гонится за ложной». Лев перечитал строчку. Он всегда считал, что мать всю жизнь работала только с документами. Теперь её стол выглядел частью мастерской по изготовлению чужих биографий.

* * *

Через несколько дней Лев нашёл в коробке с фотографиями почтовую карточку. Обычная открытка с изображением трамвая, купленная когда-то на вокзале. На обороте вместо поздравления мать записала несколько вопросов: «Чем отличается свидетель от участника? Должен ли ребёнок знать имя, которое ему не дали? Кто сможет подтвердить, что он был здесь?» Последний вопрос был подчёркнут дважды.

Лев принёс карточку Антону. Тот посмотрел на почерк и спросил:

— А ты уверен, что это она писала? Не потому, что сомневаюсь. Ты можешь сравнить?

Они нашли другую открытку с поздравлением на день рождения. Почерк совпадал по характерным буквам. Для официального вывода этого было недостаточно, но Льву стало не легче от сходства. Выходило, что мать не просто хранила чужие фотографии. Она заранее думала, как заставить сына усомниться в собственной биографии.

— Может, она хотела тебя предупредить, — сказал Антон.

— От кого?

— Не знаю. Иногда наши родители знают, что делают плохо, но не умеют остановиться и исправить.

Лев вернулся домой и долго рассматривал свои старые школьные рисунки. На каждом он изображал узкий коридор и две двери. Раньше считал, что рисовал их из головы. Теперь знал, что одна из дверей существовала. Но даже это не означало, что память об исчезнувшей комнате была точной. В семь лет можно услышать разговор за перегородкой и потом всю жизнь представлять собеседника иначе.

В тот вечер он набрал номер бывшей жены. Спросил, нет ли у неё снимков из времени, когда они только познакомились. Ольга засмеялась:

— Ты решил вернуть молодость?

— Нет. Хочу посмотреть, кто стоял рядом с нами.

— Лев, на фотографиях чаще всего те, кого мы сами пригласили.

Он не нашёлся с ответом. Потом Ольга добавила, уже мягче:

— Я пришлю. Только не ищи там человека, которого не было. У нас и без него хватало проблем.

Письмо с файлами пришло через час. Лев долго смотрел на обычные семейные сцены: праздники, поездки, мальчика на велосипеде, которого он больше не видел. Эти фотографии были скучными и точными. Впервые он пожалел, что никогда не ценил их достаточно высоко.

* * *

Глава 4. Архивист

Илья Чернышёв встретил Льва в читальном зале, где окна были заклеены бумагой от солнца, а книги выдавали по одной. Архивист не стал расспрашивать о матери. Сначала положил на стол старую городскую карту, нашёл дом № 6 на Заводской и провёл пальцем вдоль дореволюционной границы участков.

— Здесь когда-то стояло два дома, — сказал он. — Потом их объединили общим коридором. Иногда в современных планах остаются странные пустоты, но они не всегда тайники.

— А в данном случае?

— Дайте мне ещё день. Я не хочу продавать вам красивую ошибку.

Лев удивился: человек, работающий в архиве, не пытался немедленно объявить находку сенсацией. Илья показал документы о переселении 1968 года и рассказал, что его интересуют люди, чей адрес менялся вместе с фамилией. Некоторые получили жильё. Другие исчезли из учёта. При этом невозможно было уверенно отделить жертв ошибки от людей, которые скрывались сознательно.

После обеда они зашли в маленькую столовую. Илья заказал суп, потом рассказал, как однажды нашёл в муниципальном архиве письмо своей прабабушки: она просила разрешения не менять фамилию после переселения. Ей отказали, потому что в списках уже значилось другое имя. Илья тогда впервые задумался, что чиновник может лишить человека прошлого без злого умысла — просто поставив галочку в неверной графе.

— А кто-то использовал такие ошибки специально? — спросил Лев.

— Конечно. Если права на квартиру зависят от бумажной личности, человек с доступом к бумаге получает страшную власть.

Вечером Илья позвонил Льву и попросил не оставлять фотографии в квартире. Он нашёл в реестровом деле фамилию юриста, который слишком настойчиво интересовался историей Натальи. Имя произнёс не сразу: Марк Берсенев. Лев записал его в блокнот. Он ещё не знал, что этот разговор станет одним из последних у Ильи.

* * *

За три дня до гибели Илья Чернышёв вышел из архива раньше обычного. Он не мог сосредоточиться: пропажа последней страницы из старого реестра выглядела слишком аккуратной. Бумага была вынута не из середины дела, а с самого конца подшивки, там, где проходила нитка. Папку потом заново прошили, оставив прежний номер листов. Илья заметил только потому, что на нитке остался другой узел.

Он зашёл к коллеге, Варваре Павловне, которая знала об архиве больше любого каталога.

— Помнишь дело по Заводской, шесть? Две тысячи третий год, изменение площади квартиры.

— Я помню, как у меня тогда крышу на складе залило, — ответила она. — Всё остальное лучше на бумаге.

— У меня одна бумага пропала.

— Тебя удивляет, что из архива пропадает бумага? Тогда тебе ещё рано на пенсию.

Илья показал ей старую опись. Возле последнего документа было выведено: «Вложения к акту обследования, 3 л.». В папке лежали два.

— Кто выдавал дело на руки?

— Люди с доверенностями. А если доверенность выдали до смерти собственника, это ещё не значит, что после смерти по ней можно действовать. Ты сам мне об этом неделю назад говорил.

— Здесь проблема хуже, — ответил Илья. — Они использовали копию обращения женщины к нотариусу, но отрезали страницу с её отказом. В официальной подборке осталась

только формулировка о проверке сделки. Это не согласие на продажу. Просто так звучит, будто она передумала.

Варвара принесла журнал выдачи. Строка за прошлый месяц была заполнена одной рукой: фамилия заявителя, дата, подпись. Илья узнал фамилию помощницы Берсенева.

Вечером он сфотографировал реестр и отправил Варваре короткое сообщение: «Если станут говорить, что я сам вынул лист, покажи узел. Не шутка».

Потом позвонил Льву. Голос реставратора был раздражённым — тот опять обмерял стену, которая никак не укладывалась в план. Илья не стал делиться выводом по телефону. Он сказал лишь, что приедет завтра за рамкой: за её задником может находиться документ с датой, которую очень старались вычеркнуть.

Трубку положил с облегчением. Ему не хотелось думать об угрозах там, где он искал всего лишь обман в документах. Завтра он собирался спокойно разобрать всё со Львом.

* * *

Илья не любил большие слова. Он пришёл с блокнотом, термосом и переносным сканером, потому что в муниципальном архиве технику обычно приходилось просить за неделю. На пороге квартиры он остановился и попросил показать не тайную комнату, а документы собственности.

— Сначала узнаем, кому принадлежит видимая часть. У невидимой потом спросим отдельно.

Лев положил перед ним копию заявления о принятии наследства, копию старого технического паспорта и квитанции за капитальный ремонт. Илья быстро отметил, что одна справка содержит устаревший адрес, но не объявил её подделкой. В старых домах такое бывало при переименовании улиц.

— Мне кажется, всё связано с матерью, — сказал Лев.

— Вы хотите выяснить её прошлое или право на квартиру?

— А разве не одно и то же?

Илья отложил ручку.

— Нет. Жизнь шире документа, а документ иногда живёт дольше человека.

Они вместе открыли архивный план. Илья объяснил, что право собственности и история пользования помещением не всегда совпадают; часть комнат могли выделять временно, без последующего оформления. Он не утверждал, что Арсеньева жила здесь незаконно. Хотел понять цепочку оснований: кто вселил, на каком решении, когда менялась площадь квартиры.

Он нашёл упоминание дома в ведомости переселения 1968 года и удивился, что квартира № 12 числилась «временно свободной», хотя записи о жильцах сохранились на более ранних листах.

— Вашу мать тогда как звали? — спросил он.

— Наталья Арсеньева.

— А до этого?

Лев рассердился. Он не пришёл за вопросами о матери.

Илья не стал отступать. Показал копию карточки: «Наташа Платонова, семь лет, вывезена из Рудной Луки». Ни фотографии, ни полного адреса. В графе «дальнейшее размещение» стоял дом № 6.

Наталье Арсеньевой было семь лет в 1968 году.

— Совпадение, — сказал Лев.

— Возможно. Вы как реставратор должны знать: совпадения проверяют по слоям.

В конце встречи Илья сфотографировал рамку с подписью на заднике и попросил передать её для исследования. Лев сначала отказался, но согласился после расписки с описанием сколов и фотографиями предмета с линейкой. Задник они не вскрывали: лист, который мог находиться внутри, ещё не был известен. Илья унёс рамку в защитной упаковке.

У лифта Илья вдруг спросил, почему на одной фотографии мать выглядит старше, чем на другой, хотя обе подписаны одним годом. Лев не знал. Илья усмехнулся: «Вот, наконец, хороший вопрос». Через два дня он не пришёл на назначенную встречу.

Глава 5. Ночь без света

Накануне исчезновения Илья прислал Льву голосовое сообщение. В нём не было просьбы о помощи. Только раздражённая реплика: «Марк Берсенев опять звонил. Говорит, я вмешиваюсь в сделки и должен остановиться. Если он ещё раз принесёт мне бумагу с твоей матерью, я попрошу его объясняться при свидетелях». Лев прослушал запись утром, собираясь ехать в мастерскую, и ответил коротким «поговорим вечером».

Вечером Илья не пришёл.

Лев приехал к его дому, увидел приоткрытую дверь и сначала решил, что архивист забыл закрыть. Он шагнул в прихожую, почувствовал запах клея и сырой древесины. За углом виднелась опрокинутая рамка, стекло которой блестело на полу. На столе лежал лист с красными пометками. Лев хотел поднять его, но остановился. В соседней комнате кто-то тихо стонал. Он вызвал скорую и полицию, потом прошёл ровно настолько, чтобы увидеть Илью возле шкафа.

Врачи приехали быстро. Не смогли помочь. Лев стоял у подъезда, пока медики выносили носилки, и чувствовал только липкий стыд. Вчерашняя запись продолжала звучать в голове. Он мог приехать. Мог позвонить. Мог хотя бы спросить, что случилось. Вместо этого отправил одно слово — «поговорим» — и занялся своим делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.